

ANNEDAR

ОБРЕЧЁННЫЕ

ОБЖЕЧЬСЯ

Книга 3

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

*...Твоей упёртости не превзойти
моё упрямство...*

Обреченные

Anne Dar

Обреченные обжечься

«Автор»

2019

Dar A.

Обреченные обжечья / А. Dar — «Автор»,
2019 — (Обреченные)

ISBN 978-5-532-97535-4

За считанные месяцы жизнь Таши производит оборот в 180°. То, что прежде казалось нереальным, обращается в правду, то, что когда-то было утеряно навсегда, возвращается сквозь боль, то, чего она могла бояться больше всего, случается и это невозможно исправить. Впервые Таша оказывается ни к чему не подготовленной. Обстоятельства заставляют её либо отречься от того, что прежде имело для неё смысл, либо страшиться того, что обещает ей будущее. Смирение перед неизбежным и принятие происходящего облегчают её ношу, и Таша, как поистине сильный человек, начинает обретать баланс в вихре необратимых перемен, но последняя перемена становится фатальной. Содержит нецензурную брань. "В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой".

ISBN 978-5-532-97535-4

© Dar A., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	18
Птицы возвращаются.	18
Глава 6.	22
Амелия.	22
Глава 7.	26
Глава 8.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Anne Dar

Обреченные обжечься

Глава 1.

Сначала я услышала голоса, затем почувствовала сжатую боль в руке выше локтя и, наконец, ощутила настолько знакомый запах аммиака, что хотелось бы навсегда вычеркнуть его из своей памяти. Он слишком резко врезался мне в ноздри, отчего я мгновенно уперлась затылком во что-то твёрдое, напоминающее холодную доску. Вместо меня мои глаза поочередно кто-то раскрыл, и я моментально ослепла от режущего белого света.

– Что же Вы, душенька, себя не бережёте, – раздался до боли знакомый голос доктора Аддерли, неожиданно прорвавшийся сквозь приглушённую болтовню Риорданов.

А они здесь что делают?..

Я резко схватила Аддерли рукой, которая всё сильнее болела от подозрительного сжатия выше локтя:

– Ещё раз назовёшь меня душенькой, и останешься без медицинской лицензии.

– Не страшно, – дружелюбно заулыбался мне собеседник, с которым мы уже десять лет как цапались, словно дикие кошки, после чего буквально отодрал мою руку от своего белоснежного халата. – Тебе крупно повезло, что у тебя крепкая голова. Никакого сотрясения, но шишка справа должна быть приличной. У-у-у... Да у тебя давление напрочь отсутствует, – Аддерли расцепил манжету на моей руке, и я наконец поняла, что именно всё это время “душило” моё плечо.

– Я должна его увидеть...

– В таком состоянии нельзя.

– Я должна его увидеть!.. – громче повторила я.

– Иначе ты меня лишишь лицензии. Знаю-знаю... Уже десять лет лишаешь меня, причём каждую субботу, – ухмыльнулся Аддерли. – Мы поступим так. Я дам тебе полчаса, чтобы ты смогла прийти в себя. Ты посидишь здесь, в моём кабинете, выпьешь кружку чая с пятью ложками сахара и только потом я разрешу тебе его увидеть. Ждала же ты как-то почти одиннадцать лет, подождёшь и ещё полчаса. Ты должна собраться. Твой брат должен увидеть тебя сильной... Ему нужна сила, понимаешь? Мы ведь знакомы уже одиннадцатый год. Я знаю, что из всей твоей семьи силой наделена больше остальных ты. Собирайся. Я сообщу о его пробуждении остальным родственникам только после того, как ты выйдешь от него.

Аддерли встал и вышел из кабинета, а я продолжила лежать, упираясь затылком в твёрдую кушетку и сверля взглядом белоснежный потолок, подсвеченный иссиня-белым светом неоновой лампы. Не шевелясь и даже не моргая, с уложенными на живот руками, я пролежала без единого движения около пяти минут и пролежала бы подобным образом следующие двадцать пять, если бы не услышала шорох справа от себя. Медленно повернув голову, я вдруг увидела Ирму и Дариана. Они сидели на двух креслах, расположенных в пяти шагах от меня и прислонённых к стене с одним-единственным в этом кабинете окном, которое, из-за повисших на небе густых тёмных туч, совершенно не давало света. Оба были бледны, как мел. Ирма держала перед собой большой бумажный конверт со своими удовлетворительными анализами, Дариан, упершись локтём в подлокотник кресла, подпирал большим пальцем подбородок и закрывал губы согнутым указательным. Я вновь повернула голову и снова уперлась взглядом в потолок. Медленно досчитав до пяти, я буквально заставила себя прийти в движение.

Один... Два... Три... Четыре... Пять!.. Резким рывком я заставила себя сесть на край кушетки, и сразу же почувствовала боль в голове. Дотронувшись больной точки, я вспомнила слова Аддерли о том, что шишка мне обеспечена, и едва ли не впервые в жизни с ним согласилась. Шишка действительно не заставит себя ждать.

– Что ты будешь делать? – вдруг шёпотом поинтересовалась Ирма, сгибая конверт со своими снимками напололам.

– Чай пить. – встав со своего места, невозмутимо-отстранённо отозвалась я, уже подходя к рабочему столу доктора Аддерли.

Я села на стул для посетителей, по правую руку от Риорданов (спиной к ним), при этом оставив Ирму примерно в десятке сантиметров позади себя. Сделав три больших глотка уже слегка подостывшего сладкого чая, я поставила огромную кружку с кричащей надписью “Лучший доктор!!!” обратно на стол, но не отстранила от неё руки.

...Не знаю, что произошло, но когда доктор Аддерли вошёл в кабинет, кружка в моей руке уже была холодной. Лишь спустя мгновение, посмотрев на настольные часы, я поняла, что не заметила, как мимо меня промелькнули тридцать минут жизни. Кажется, я слишком сильно привыкла выбрасывать из своей жизни минуты, сливающиеся в часы, впоследствии спрессовывающиеся целые годы.

За прошедшие полчаса ни Дариан, ни Ирма с её привычкой болтать без устали, не произнесли ни единого слова, из-за чего сейчас, придя в себя, я решила, будто они, каким-то неизвестным мне способом, незаметно вышли из кабинета, хотя выход из него был только один – через дверь передо мной, в проёме которой сейчас стоял доктор Аддерли. Я обернулась, чтобы убедиться в том, что осталась в кабинете одна, но сразу же встретилась взглядом с Дарианом. Отвернувшись, я уверенно встала со своего места. Так и не сказав ни слова, я прошла мимо доктора Аддерли и, повернув налево, миновала ещё двадцать метров, прежде чем остановилась у двери, за которой...

Если бы я знала, что ни доктор Аддерли, ни Дариан, ни Ирма не остались в кабинете и теперь, стоя в коридоре, наблюдают за мной, я бы, наверное, не остановилась. Но я не знала об этом.

Остановившись возле нужной двери, я не могла найти в себе сил, чтобы хотя бы повернуться к ней лицом. Полминуты я собиралась с духом, после чего, сделав глубокий вдох и оторвав взгляд от блестящего напольного кафеля, наконец распрямила плечи. Дотронувшись замёрзшими пальцами дверной ручки, я беззвучно распахнула портал, соединяющий моё прошлое с настоящим и будущим.

...Аккуратно, на цыпочках войдя в палату, я закрыла за собой дверь и, посмотрев на Хьюи, замерла. Ничего в его лице или позе не изменилось, что вдруг заставило меня сжаться. Доктор Аддерли так и не рассказал мне о том, что за изменения произошли в его состоянии, отчего мне вдруг стало не по себе.

Аккуратно подойдя впритык к койке, я замерла. В палате, из-за густого тумана за окном и налетевших с севера туч, было темно, но лицо Хьюи освещал тускло-тёплый свет ночной настенной лампы, благодаря чему я могла прекрасно его рассмотреть.

Ничего в его лице не изменилось. Ничего...

Сев на кресло впритык к краю койки, я аккуратным движением коснулась его руки и замерла. Рука Хьюи впервые была теплее моей, но не успела я осознать это до конца, как вдруг его пальцы едва заметно сжали мою ладонь. Широко распахнув глаза, я уставилась на наши сцепленные руки...

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вновь перевести свой взгляд на лицо брата. Сделав это, я мгновенно оглохла от своего сердцебиения.

Он смотрел на меня!.. Смотрел!!! Его зелёные глаза, копии моих, лишь немного были приоткрыты, но они были направлены на меня!..

Внезапно я издала неотконтролируемый, странный звук, отдалённо напоминающий выдох. В этот же момент лицо Хьюи изменилось. Его уголки губ и щёки потянулись вверх, отчего глаза слегка прищурились...

Он улыбнулся!!!..

Я потеряла дар речи. Вместо слов я издавала странные звуки, не в силах ни выпустить руки брата, ни оторвать от его улыбки взгляда, ни добавить к гласным возгласам согласные звуки. Так прошло около пяти минут, пока Хьюи не начал моргать и сильно жмуриться, явно демонстрируя желание что-то мне сказать.

Пригнувшись к его лицу и поцеловав его в щёку, я аккуратным движением слегка приподняла его кислородную маску.

– Ты говоришь? – прошептала я, внезапно почувствовав в своих глазах слёзы.

Он молчал, но я готова была ждать. Я ждала больше десяти лет – с течением времени ожидание стало для меня не только пыткой, но и опытом.

– Таша... – вдруг прошептал моё имя мой брат, отчего слёзы из моих глаз мгновенным градом посыпались на его грудь, облачённую в бледно-голубую медицинскую пижаму. – Таша... – повторил он, а я никак не могла поверить, что слышу его голос.

– Хьюи... – заревела я, но, вспомнив слова доктора Аддерли о том, что Хьюи должен почувствовать мою силу, чтобы её почерпнуть из меня, сразу же начала убеждать брата в своей силе. – Я сильная! Знаешь, какая я сильная?.. Очень... Очень-очень сильная! Моей силы хватит на двоих, слышишь?

– Таша... – шептал в ответ он. – Мы живы...

Слова Хьюи меня оглушили.

Мы живы. Он был мёртв. Я была мертва. Но вот он ожил и с ним ожила я. Вот они Мы...

– Мы живы! – заулыбавшись, сквозь слёзы воскликнула я. – Хьюи, мы живы!

Глава 2.

Хьюи больше ничего не говорил – было видно, что слова ему даются трудно – но он не переставал мне улыбаться и иногда даже подмигивать. В итоге я не отошла от него ни на шаг, даже когда его начали кормить через трубку и даже когда доктор Аддерли попытался убедить меня в том, что “его пациенту” пора отдохнуть. В момент, когда Аддерли попросил меня уйти на пару часиков “проветриться”, Хьюи едва уловимо ещё сильнее сжал мою руку своими слабыми пальцами, и я поняла, что теперь меня не отстранят от его койки даже под конвоем.

В итоге в этот день нас разлучил парадокс. Он заключался в том, что Хьюи, проспавший десять лет, семь месяцев и три недели, вдруг захотел спать. Когда он перестал открывать свои глаза я всерьёз испугалась, но когда он отреагировал улыбкой на моё поглаживание его щеки тыльной стороной ладони, я поняла, что он просто засыпает. Не впадает вновь в кому... Нет... Он просто... Просто...

Я просидела у его кровати ещё час, убеждая себя в том, что Хьюи просто спит и обязательно ещё проснется. В конце концов, его вечно бледное лицо приобрело румянец, дыхание стало заметным и более ровным, длинные ресницы слегка подрагивали...

Так и не сумев себя убедить в том, что всё в порядке, я вновь разбудила его своими поглаживаниями по его лицу. Хьюи снова заулыбался мне, но не прошло и десяти минут, как он вновь закрыл глаза. И тогда я впервые решила посмотреть на свои наручные часы. Увидев на них начало первого, я подумала, что часы сломались, но посмотрев в окно, а затем в свой мобильный, поняла, что это правда – уже перевалило за полночь. Я не понимала, как такое возможно, ведь от силы прошло не больше пяти часов с тех пор, как я вошла в эту палату... Однако время упрямо говорило мне об обратном – прошёл целый день и наступила ночь, а я этого даже не заметила.

Помедлив ещё пятнадцать минут, я, прислушиваясь к кардиографу, выбивающему ритм сердца *моего* Хьюи, аккуратно выпустила руку брата из своей, и, поднявшись с кресла, внезапно ощутила страшную ломоту во всех своих неожиданно скованных мышцах. Они словно подтверждали тот факт, что я, забыв о движении тела и беге времени, действительно провела в этом кресле, в малоподвижном состоянии без малого четырнадцать часов.

Покидать палату я не хотела, но не могла остаться здесь навечно. Доктор Аддерли, перед сдачей своей смены, сказал мне, что оставляет за мной право сообщить родственникам о пробуждении Хьюи. Сегодня все должны были узнать о том, что мы с Хьюи снова живы... Ожили спустя десять лет, семь месяцев и три недели...

Дойдя до двери кабинета доктора Аддерли, я повернула налево, на коридор, ведущий к лифтам, и, пройдя пять метров, остановилась у стоящего слева автомата с горячими напитками, который ненавидела ещё с тех пор, как сама была заточена в стены этого жуткого здания. Прошло десять лет, а автомат всё ещё функционировал. Даже предлагаемое кофе не изменилось.

Бросив монетку в автомат и выбрав латте, я опустила руки вдоль онемевшего тела, начав прислушиваться к жужжанию машины. Справа от меня кто-то остановился и вдруг, спустя несколько секунд, совершенно неожиданно положил на моё плечо тяжёлую руку. Оторвав напряжённый взгляд от автомата, я, не пытаясь стряхнуть руки, что было для меня крайне странно, так как я слишком сильно ценила своё личное пространство, посмотрела на человека.

– Вы ещё здесь? – повела бровью я.

– Только я. Ирму отправил домой в обед, когда понял, что ты сегодня не выйдешь.

– Но я вышла.

– Уже новый день, – показал на свои наручные часы Дариан. – Полночь уже миновала.

– Что ты здесь делаешь? – сдвинула брови я.

– Жду тебя, – спокойно ответил он, и в этот момент аппарат противным писком известил о готовности моего латте, которое я не спешила забирать.

– Я ненавижу этот автомат, – посмотрев на подвешенный в нём пластмассовый стаканчик коричневого цвета, неожиданно призналась я. – Первый год после аварии я не покидала стен этого здания, проходя жёсткий курс реабилитации. Хьюи всё то время лежал в одной из соседних палат, совсем близко... Когда однажды его перевели в это крыло поликлиники, почему-то забыв мне об этом сообщить, я, не найдя его в привычной палате, испугалась того, что он умер, и у меня случилась истерика, после которой моё состояние резко ухудшилось. Это отодвинуло мою выписку ещё на пару месяцев... – моё горло судорожно сжалось. – Когда мне впервые разрешили навестить Хьюи в его новой палате, я шла по этому коридору, придерживаясь за стену, чтобы случайно не упасть. К тому моменту моё тело было настолько истощено, что кости просвечивали через кожу... Поэтому мне было тяжело ходить в это крыло здания, расположенное слишком далеко от моей палаты. Сначала я с черепашьей скоростью ходила сюда и обратно один раз в день, затем стала приходиться по два раза, затем три... И всякий раз я проходила этот аппарат. В течении одной недели я перепробовала все его напитки, а потом начала пить их заново. Понедельник – малиновый чай, вторник – корретто, среда – латте, четверг – лимонный чай, пятница – глянсе, суббота – зелёный чай, воскресенье – маккиато. И снова понедельник – малиновый чай, вторник – корретто, среда – латте, четверг – лимонный чай, пятница – глянсе, суббота – зелёный чай, воскресенье – маккиато. Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник... Малиновый чай, корретто, латте, лимонный чай, глянсе, зелёный чай, маккиато, снова малиновый чай...

Дариан вдруг коснулся моей руки, что заставило меня остановить свой рассказ о месяцах моей жизни наедине с треклятым аппаратом горячих напитков.

– Сегодня было воскресенье... – едва уловимо дрожа то ли от злости, то ли от осознания собственной беспомощности, произнесла я. – Я взяла латте.

– Больше никакого маккиато по воскресеньям. – Дариан, развернув меня за плечо, вдруг крепко обнял меня, аккуратно прижав к своей груди. Спустя несколько секунд он шёпотом спросил. – Ты приходила сюда каждую субботу?

– Несколько раз в неделю, если получалось, но по субботам обязательно, – закрыла глаза я. – Недостаточно часто... Я должна была проводить с ним больше времени. Должна была проводить с ним всё своё время... Ведь я навещала его чаще всех, даже чаще отца... Тогда почему?.. Почему меня не было рядом, когда он очнулся? Где я была?

– Он очнулся вчера в пять утра.

– В пять утра? – резко распахнув глаза, замерла я.

Вчера, в пять утра, я проснулась от странного импульса, пробившего мою грудную клетку... В пять утра я лежала в постели Дариана – вот где я была.

– Откуда ты знаешь? – я едва удержалась, чтобы не отстраниться от его груди.

– Доктор Аддерли рассказал мне о состоянии Хьюи.

– Тебе?.. – на сей раз я отстранилась, чтобы с неприкрытым подозрением заглянуть в глаза собеседника. – Но почему тебе?

– Ты целый день не отходила от брата, а твои родственники до сих пор не оповещены...

– Но посторонним не сообщают подобные вещи, – продолжила сдвигать брови я.

– Я представился твоим женихом.

– Женихом? – мои брови резко взмыли вверх.

– Ты ещё ничего не ела. Я знаю место, где можно перекусить. Как ты относишься к паназиатской кухне?

К паназиатской кухне я относилась положительно, но к тому, что Дариан с каждым днём собирал за моей спиной всё больше информации обо мне и моих близких, я относилась резко отрицательно. Он не был мне ни женихом, ни даже возлюбленным. Но боссам и любовникам не рассказывают о подробностях жизни их подчинённых и любовниц, поэтому он назывался тем, кем назывался: для моего отца он был моим другом, для Ирмы играл роль моего босса, для всех остальных ловко исполнял роль моего жениха. Для меня же он хотел быть всем и сразу. Дариан продолжал эту партию, приближая свою победу с каждым новым шагом. Но каждый его шаг к победе – это шаг к моему поражению. Либо он – либо я. Третьего не дано.

Я отступила от Дариана на полшага назад.

– Паназиатскую люблю, – невозмутимо шмыгнула носом я.

– Замечательно, – улыбнулся Дариан, слегка оголив свои белые, идеально ровные зубы.

Одновременно развернувшись, мы направились к лифту, оставив никому не нужное латте в никому не нужном автомате.

Глава 3.

Ресторан паназиатской кухни работал круглосуточно, но в час ночи в нём кроме нас с Дарианом никого больше не было, что неудивительно – мало кто заседает в ресторанах до утра в ночь с воскресенья на понедельник.

Выбрав отдалённый столик за ширмой, мы сделали заказ. Вернее, заказ сделал Дариан, так как я решила довериться его вкусу, неожиданно поддавшись усталости и нежеланию что-либо выбирать.

Когда я уже доедала десерт, а Дариан допивал свой чай, я вдруг поняла, что не уделила должного внимания его проблеме, в то время как он, не смотря на свою головную боль, всецело сосредоточился на моей. Кажется, мне даже стало немного стыдно от своего невежества, но я не хотела заикливаться на своих косвенных эмоциях и сразу же перешла к действиям.

– Прости, – неплохо начала я, – я совсем забыла об Ирме. Что-нибудь прояснилось?

– Кристофер отвёз её к психотерапевту, который не выявил никаких отклонений, – поджал губы Дариан.

– Ты переживаешь? – попыталась словить взгляд собеседника я.

– Главное, чтобы её дромомания не вернулась.

– Эта дромомания, она ведь неспроста? – я прищурилась, слегка склонив голову набок. – У неё ведь есть причина?

Дариан, помедлив несколько секунд, всё-таки решил мне ответить.

– Когда Ирме было пять лет, наш опекун, Аарон Макмахон, оставил её под присмотром своей любовницы. Я тогда отдыхал в летнем лагере... Аарон был хорошим человеком, но с женщинами ему не везло с тех пор, как его первая жена, с которой он прожил семнадцать лет в браке, умерла, не оставив ему детей. Наверное, он и любил-то нас с Ирмой так сильно потому, что не имел собственных отпрысков. – Дариан тяжело выдохнул и продолжил. – Любовница, с которой Аарон оставил Ирму всего на один час, выкрала её. Просто посреди белого дня взяла и похитила ребёнка. Их розыск продолжался ровно неделю, после чего их обнаружили в номере зачуханного придорожного отеля Вулвергемпнтон. Женщина, укравшая Ирму, лежала на полу с простреленной головой. Это не было самоубийством – её кто-то застрелил. Ирма же была заперта в ванной. По всей видимости недолго, так как не успела проголодаться. Она была слишком мала, чтобы понимать, что происходит, и сколько бы мы её не расспрашивали, она ни о чём не могла нам толком рассказать. Видела ли она убийство – мы так и не узнали. Как и о том, что именно с ней происходило всю ту неделю. Как позже выяснилось, женщина украла её с целью получить выкуп. При помощи вырученных денег она хотела откупиться от одного из четырёх своих бывших мужей, который, не простив ей измены и большого проигрыша в казино, угрожал её убить. В итоге он её и пристрелил, так и не узнав о том, что его бывшая перед этим успела украсть наследницу миллионов. И вроде бы истории конец, но именно с тех пор Ирма стала неожиданно пропадать. Сначала она бродила поблизости с домом, потом мы стали находить её в окрестностях, а позже и вовсе перестали владеть ситуацией. Её совершенно внезапное исцеление психолог связал с её вступлением в пубертатный период, но вчера она снова ушла из дома, и, откровенно говоря, я не знаю, что об этом думать.

– Оу... Дариан, – тяжело выдохнула я, проведя прохладными пальцами по своему ровному лбу.

– Что-то случилось? – мгновенно уловил мою интонацию собеседник.

– Как же так совпало... – я не договорила.

– Ты об Ирме и твоём брате?

– Да... Дело в том, что ты ведь нанимал меня конкретно для этого момента, и вот, когда он настал, я... – я вновь запнулась, но, переведя взгляд на Дариана, просто сказала как есть. – Я хочу уволиться.

Я не могла сказать, что не могу больше тратить свою жизнь на хождение с его сестрой по магазинам, наблюдение за её игрой в сквош, проверку её домашних заданий, обсуждение фотографий её одноклассниц в социальных сетях... Это прозвучало бы грубо, однако это и было самой настоящей правдой. Хьюи проснулся, и я больше не могла тратить своё время ни на что и ни на кого, кроме как на него одного. Как бы сильно во мне не нуждались Дариан с Ирмой, моя боль оставалась исключительно моей болью, их же заботы оставались их заботами.

– Я понимаю, – неожиданно положительно отреагировал на моё желание уволиться Дариан, но сразу же пояснил свои слова. – Ты уйдёшь в отпуск. Настолько, насколько тебе это необходимо.

Мы встретились взглядами.

Дариан не увольнял меня. Невозможно уволить того, кто содержится у тебя в рабстве. Рабу можно только дать вольную. Каким бы щедрым на деньги и чувства по отношению ко мне Риордан не был, а вольную он дать мне не мог. Ведь отпустить меня на свободу, это всё равно, что распрощаться со мной навсегда. Он был слишком мудр, чтобы не понимать этого.

Дариан достал свой бумажник, чтобы оплатить счёт, в то время как я продолжила сверлить его взглядом.

Дариан Риордан. Мужчина, для которого мне не хотелось бы становиться роковой женщиной. Он готов был разделить со мной, казалось, любую мою боль, я же, из-за силы своей боли, а может быть из-за безвозвратно остывшего сердца, не могла разделить с ним даже его переживаний. Стоило мне только захотеть – и у меня был он целиком, но как бы сильно он не хотел, меня у него не было и грамма. И я с этим честно ничего не могла поделать, а до лжи просто не могла позволить себе опуститься. Правда же была настолько очевидна, что сейчас, пока я смотрела на занятого оплатой счёта Дариана, она резала мне глаза... Это не любовь. Я так и не полюбила его. Даже не постаралась.

Напротив моего дома мы остановились в начале четвёртого. До рассвета ещё было далеко, но я не чувствовала тяжести ночи, не смотря на то, что последние двадцать часов, казалось бы, должны были меня к этому времени уже свалить с ног.

– Мне нужна моя машина, – тяжело выдохнула я, посмотрев на спичечный коробок, который уже больше года представлял мой дом. Впервые за всё это время в моей голове яркой молнией промелькнула мысль о том, что мне можно было бы сменить место жительства: с Коко я всё реже пересекаюсь, из-за наших разнящихся графиков работы, а Нат и вовсе стала появляться здесь пару раз в неделю проездом и пару раз в месяц с ночёвкой. Однако я отмела эту мысль даже быстрее, чем она успела у меня возникнуть. Но сам факт того, что она у меня появилась, словно вдавил в мои лёгкие галлон чистого воздуха, без которого я загибалась. Кажется, я подсознательно начинала ворочать перемены в своей жизни, но пока что не подозревала об этом.

– Твоя машина будет у тебя к десяти часам. Сразу после того, как Крис появится на рабочем месте, я отошлю его к тебе.

– Отлично, – прикусила нижнюю губу я.

– Я могу тебе ещё чем-то помочь? – постучав пальцами по рулю, посмотрел на меня Риордан.

– Нет... – уверенно произнесла я, но сразу же запнулась. – Дариан, – на сей раз я обратилась к собеседнику по имени, что обычно делала крайне редко, отчего Дариан сразу же замер. Он сверлил меня взглядом, а я смотрела вперёд перед собой, не желая со своим вопросом

заглядывать ему в глаза. – У меня к тебе вопрос. Ты можешь пообещать, что ответишь на него честно?

Дариан медлил с ответом. Он был не из тех, кто даёт столь опрометчивые обещания, перед этим здраво не взвесив своё решение. И всё же его интерес к моей просьбе перевесил, и он наконец произнёс то, что я хотела от него услышать:

– Обещаю.

Я приглушённо выдохнула.

– Хьюи очнулся. Теперь моя жизнь изменится. И раз уж прошедшие сутки стали для меня рывком... Я хотела бы для себя кое-что прояснить. Заранее предупрежу тебя о том, что я знаю правильный ответ, а о своём презрении к лжи даже говорить не стану, чтобы не наговорить лишнего... – я повернула голову в сторону собеседника и, встретившись с ним взглядом, наконец задала свой вопрос. – Ты тайно “достал” обо мне информацию?

Дариан, не отводя взгляда, прищурился.

– Да, – наконец ответил он.

Странно, но от его ответа мне стало немногим легче.

– Зачем?

– Легче всего победить противника, когда ты имеешь о нём представление.

– И много ты обо мне знаешь?

– Почти всё.

– Почти?

– Невозможно узнать о человеке всё, лишь заглянув в его досье.

– У меня есть досье? – мои брови в удивлении поползли вверх.

– Теперь есть. И, поверь мне, оно внушительное.

– И кто я по той информации, которую ты на меня откопал?

Дариан помедлил, прежде чем дать мне свой ответ. Сделав спокойный вдох, он вдруг произнёс:

– Ты та, кто мне нужен.

На сей раз помедлила с ответом я...

– Зря ты полез в мою жизнь, не спросив у меня на то разрешения, – сдвинув брови, наконец произнесла я.

– Ты просила об одном честном ответе, но вместо одного я ответил на все твои вопросы. Я всегда даю тебе больше, чем ты просишь или того на самом заслуживаешь... Поэтому даже не думай, что ты лучше меня.

– Не мне судить, – пожав плечами, невозмутимо посмотрела на собеседника я. – Я ведь досье на тебя не читала. Мне не с чем сравнивать.

– Как ты догадалась о том, что я под тебя “копал”? – красноречиво повёл своими красивыми бровями Дариан.

– Ты прокололся на дате моего рождения, – скрестила руки я. Дариан, явно обратив внимание на это моё движение, окинул меня быстрым взглядом.

– Ты права... Я могу сравнить нас, ведь я, как ты заметила, читал досье на тебя и неплохо знаю себя. И знаешь, что я тебе скажу, Таша Милитари Грэхэм? – услышав своё второе имя, которое не знали даже мои друзья, я замерла, неотрывно глядя в глаза сверлящего меня взглядом Риордана. – Я скажу тебе следующее: я тот ещё козёл, способный на нарушение твоего личного пространства и в принципе любых других твоих личностных границ, порой не брезгующий применением жестокости и не отказывающийся от активного пользования своей властью. Однако я, Таша, именно тот, кого ты заслужила.

...Выйдя из машины, я отправилась в сторону родительского дома. Дариан не стал как обычно дожидаться, пока я скроюсь из вида, и практически сразу нажал на педаль газа.

Его слова о том, что я заслужила его, теперь отбивались наковальной под моей черепной коробкой. Мой пульс участился, и не из-за резкости этих слов, а из-за того, что где-то в глубине души я осознавала, что Дариан был прав. Подобное притягивается к подобному. Он не хуже меня и я не лучше него. Мы равны, словно зеркальные отражения друг друга. Мы оба не заслуживаем нежности и в итоге оба имеем то, что сами из себя представляем. Два кремня, из которых, как сильно их не бить друг о друга, не сделать одного – только искры в разные стороны разлетятся.

Глава 4.

Дверь в бывший отцовский гараж не закрывалась с тех пор, как в нём начала жить Миша. Она просто захлопывалась и никаких замков или защёлочек.

Я с самого начала знала, кому расскажу первой...

Внутри гаража было тепло, даже почти жарко. Прошествовав вглубь и сев на допотопное продавленное кресло напротив дивана, на котором, укрывшись шерстяным пледом, спала Миша, я достала из внутреннего кармана своей парки упаковку сигарет и, закурив, посмотрела на наручные часы. Двадцать три минуты четвёртого.

Мой взгляд упал на новенький обогреватель, вертикально припаянный к левой стене между двумя неоновыми лампами. В момент, когда я выпустила изо рта первую струю дыма, Миша проснулась.

– Откуда обогреватель? – невозмутимым, спокойным тоном поинтересовалась я.

– Отец купил, – не менее невозмутимо, уверенным тоном отозвалась Миша.

Отец купил Мише обогреватель? Это что-то новенькое... Он ведь не обращал на своих детей внимания, за исключением всеобщее любимой Пени, естественно, так с чего бы вдруг?..

Сделав очередной выдох, я вновь посмотрела на Мишу и, из-за её неестественной бледности, вдруг вспомнила о том, что во время снежной бури она болела.

Теперь ясно, почему отец вдруг заметил её существование. Может быть мне стоит тоже заболеть, но на сей раз отказаться от помощи Дариана, чтобы отец вспомнил и о моём существовании тоже?..

Я задумалась...

– Ты чего? – спустя минуту, аккуратно откинув с себя плед, поинтересовалась Миша.

Сев на край дивана, она накрыла свои плечи только что отброшенным ею пледом и врезалась в меня своим острым взглядом. Её зеленые глаза, из-за впавших скул и бледности кожи, стали вдруг невероятно большими, а сильно искусанные губы приобрели неестественно красный цвет и местами даже синеву. Я замерла, глядя на кровоподтёк на её нижней губе у правого уголка – губа слегка припухла от глубокой трещины.

– Будешь курить? – наконец поинтересовалась я, спустя полминуты оторвав свой взгляд от губы сестры и зацепившись взглядом за её нереальные изумрудные глаза. Прежде, чем она ответила, я протянула ей одну сигарету из упаковки, затем поднесла ей огонь. Миша невозмутимо закурила. Перед тем, как продолжить говорить, я помедлила ещё несколько секунд. – Позавчера связалась с Генри и общалась с Мией по видеозвонку, – наконец начала я. – У нас разница во времени один час, так что каждый день звоню в одиннадцать, чтобы не попасть на время обеда...

Я замолчала, и Миша, сделав затяжку, прищурилась.

– Я созванивалась с ней семь часов назад... – вдруг произнесла она. – Не смотри на меня так. В этом вопросе мне помогает Пандора. У Мии всё прекрасно... – стряхнув пепел со своей сигареты в пепельницу, Миша прищурилась ещё сильнее. – Так что же вчера произошло?

Поразительно, как только моя сестра не умудрилась прокурить присущее нам обоим индуктивное мышление. Я сказала, что созванивалась с Мией позавчера, после чего мимолётно добавила, что звоню ей в одно и то же время каждый день. И я не ошиблась – для Миши этого было достаточно: почему я сказала позавчера? а что было вчера?

Мимо Миши пролетало много подробностей, но ни единая по-настоящему важная мелочь не оставалась ею незамеченной. Так почему же я не позвонила Мие вчера? Что может быть важнее моего звонка её дочери?

– Что ты делала вчера в пять утра? – на сей раз прищурилась я, после чего отрясла пепел со своей сигареты во вторую пепельницу, стоявшую с моего края покосившегося журнального стола.

– Странный вопрос, не находишь? С таким же успехом ты могла бы спросить у меня, что я делала в час ночи или в семь утра, – Миша поморщила лоб. – Но... – она неожиданно запнулась, после чего, прикусив нижнюю губу, уперлась взглядом мне в грудь. – Ещё более странно то, что у меня есть неожиданный ответ. Однако ты ведь знаешь об этом, верно? – мы вновь встретились взглядами. Какой же острый ум!.. Я словно общалась сама с собой. Приняв моё молчание за положительный ответ, Миша решила продолжать. – В пять ноль ноль я проснулась. Я посмотрела на часы. *Это* произошло ровно в пять. Но что именно “это”... – Миша вновь прищурилась. На сей раз ей не помогала даже её заточенная до острия индукция. Но она знала, где и как копать. – А что делала в пять часов ты? – неожиданно спросила она, врезавшись в меня зорким взглядом, уверенно двигаясь в правильном направлении для получения большей информации.

– Я проснулась, – невозмутимо ответила я, после чего мы замерли и, казалось, замер даже дым, исходящий от наших сигарет.

Прошло много времени, прежде чем Миша вспорола остриём своего острого ума конверт с главным вопросом.

– А что в это время делал Хьюи?..

Голос Миши прозвучал неестественно, так, словно ей не принадлежал, словно замёрз и теперь от каждого вырывающегося из горла звука испещрялся трещинами.

– Он проснулся, – замерев с широко распахнутыми глазами, наконец выдала своей сестре ответ я.

Без единого движения мы просидели до тех пор, пока наши сигареты, дотлев до основания, не начали жечь наши пальцы. Тогда мы вновь встретились взглядами.

– Нас снова трое? – наконец вцепившись взглядом в сестру и, настойчиво смотря ей прямо в глаза, поинтересовалась я.

– Хьюи, ты и я?.. – недоверчиво переспросила Миша.

– Нет. Хьюи, ты и я... В таком порядке мы появились на этот свет.

– Меня уже не вернуть... – её голос предательски дрогнул.

– Маму и Джереми – вот кого не вернуть. Тебе же достаточно одного лишь желания, чтобы вернуться.

– Он меня не простит...

Миша говорила о том, что Хьюи не простит её за то, что она с собой сделала. Я замерла.

– Нет, Миша, – потушив окурок в грязной пепельнице, я села на край своего кресла и, перегнувшись едва ли не через весь стол, заглянула в широко распахнутые, огромные глаза сестры. – Мы тебя не простим. Но не за то, что ты с собой сделала, а за то, что ты откажешься с собой делать.

– Ладно... – сдвинув брови, Миша снова налилась уверенностью, но начала кусать губы. – Ладно, я согласна...

– Вот и замечательно, – сжато ответила я, всё ещё боясь выдохнуть, чтобы не спугнуть свою добычу. – На лечение Мии ушли не все деньги. Большую часть мы пожертвовали на операцию для неизвестной нам девочки, полностью закрыв недостающую на то сумму, но у нас осталось ещё немного, – я перевела дыхание, вспомнив сундук на чердаке Амелии, в котором хранилась оставшаяся сумма. – Твоего желания и этих денег хватит, чтобы вытащить тебя из этой трясины.

– От пристрастия к травке, токсикомании и алкоголизма так просто не избавиться, – Миша, погасив окурок в своей пепельнице, ответно пригнулась ко мне и щёлкнула пальцами.

– И ещё от курения, – многозначительно повела бровью я. – Ото всего, чем ты себя травила все эти годы. От мыслей... От боли...

– А как же ты? – Миша точь-в-точь как и я повела бровью. – Как же твои мысли и твоя боль?.. Как же твоё курение?

Передо мной вспышкой возникла картинка. Мне восемнадцать, я переехала в общежитие и сразу же сменила свою фамилию. Я держу в руках копию свидетельства о том, что Таши Грэхэм больше не существует. В течении одного часа я разрываю его на десяток обрывков, из которых скручиваю трубочки и, набив их табаком влюблённого в меня парня из соседнего кампуса, выкуриваю их все до единой. Так я начинаю курить.

С тех пор прошло уже шесть лет, и хотя жесткого привыкания к курению у меня так и не возникло, с тех пор в моей жизни не было ни одного месяца, в котором не было бы выкурено хотя бы одной сигареты. Если бы это заглушало мою боль, я бы определённо подседала на это дело более основательно, но это мне не помогало. Мне не помогало ничто, из-за чего я не подседала ни на что из того, без чего уже не могла обходиться Миша.

– Я брошу курить через месяц после того, как ты будешь чиста, – наконец ответила я, всё ещё врезаясь взглядом в её хрустальные глаза.

– Значит, в конце июля.

– В середине июня, – многозначительно приподняла бровь я. – Если будешь пахать как бык, тебя реально вылечить за четыре месяца. Я узнавала. Речь идёт о VIP-лечении.

– И у тебя хватит денег? – Миша не отводила от меня взгляда. Она не промахнулась с вопросом (она никогда не промахивалась). Деньги действительно принадлежали мне. Все если не догадывались, тогда наверняка знали, каким образом они мне достались.

– Я уже подсчитала. Хватит. И даже если понадобится больше, чем у меня сейчас есть, я найду недостающую сумму, ты ведь знаешь, – я испытывающе не отводила от своей изнурённой копии взгляда. – Я – твоя сестра, и ты в меня веришь, забыла? – решив напомнить Миши наш разговор в больнице, который подтолкнул меня продать Дариану, произнесла вслух её же слова я. – Главное не подведи нас, – наконец заключила я.

Выждав несколько мгновений, Миша протянула мне руку:

– Не подведу.

Уверенно пожав руки, мы поднялись со своих мест. Прошло ещё несколько секунд, но рук мы так и не расцепили. Потянув друг друга к себе, мы встретились над столом плечами и одновременно обнялись. Немое объятие длинной в десять секунд было освобождающим.

Мы делали это... Постепенно, вздох за вздохом с пяти утра пятнадцатого февраля, спустя десять лет, семь месяцев и три недели беспробудного сна, мы начинали просыпаться. Уже ничто не будет по-прежнему. Уже никто не будет прежним. Кассета перематывается на десять лет назад, заевшая пленка распрямляется и звук постепенно возвращается. Вдох-выдох-вдох...

Из гаража мы вышли вместе. Тринадцатилетние Миша и Таша Палмер очнулись внутри нас и подавили тех, в кого за эти годы они успели превратиться. Ничего не значащее до сих пор время внезапно обрело небывалую до сих пор для нас ценность, от веса которой нас даже слегка раскачивало из стороны в сторону. Но каким бы наш шаг ни был, пусть раскачивающимся и недостаточно быстрым, он теперь принадлежал нам, а не каждой из нас по отдельности.

Взявшись за руки, мы с Мишей дошли до родительского дома. Открыв входную дверь запасным ключом, я пропустила свою старшую сестру вперёд. Завтра она отправится в лечебницу, но перед этим она проведёт сутки со своей семьёй и никто не посмеет усомниться в ней... В твёрдости нашего решения... А если усомнятся, я отвернусь от них так же, как когда-то отвернулась от Миши, чтобы мои глаза не видели лиц предателей.

Глава 5.

Птицы возвращаются.

До рассвета было ещё далеко, но я знала, что делать. Зайдя в гостиную, мы с Мишей включили старый компьютер, больше походивший на допотопный телевизор, и его системный блок мгновенно загудел, словно пнутое ногой ржавое ведро. В гостиной было темно, но даже в темноте я видела тот слой пыли, который покрыл монитор. Не заметить его было невозможно, так как пелена плотно застилала буквы на мониторе. Я начала оглядывать стол, в поиске хоть какой-нибудь тряпки, на что Миша раздражённо провела рукавом своей кофты по монитору, фыркнув где-то рядом с моим ухом слово: “Чистюля!”.

Пароль для доступа к компьютеру знал каждый в этой семье – “BS-ella”, что означало спаренные имена тёти Беллы и мамы. Белла купила нам этот компьютер, когда мне, Хьюи и Мише было всего три года от роду. Тогда только старшие дети оценили новую игрушку, но через пару лет подтянулись и мы. До сих пор помню, как Белла, подзвав маму к компьютеру после его установки, смеясь сообщила ей: “Первой в пароле будет стоять моя заглавная буква, так как я родилась первой. Вот так-то, малявка”. Тогда она игриво потрепала маму за щёку, в ответ на что мама провела по её лицу вымазанной в муку ладонью. Увидевшие эту сцену я с Джереми ещё долго подшучивали над тётей Беллой и мамой, называя их одним общим именем – БелоСнежка.

Мы с Мишей не могли дождаться рассвета, чтобы сообщить всем о произошедшем, но наше нетерпение проявлялось лишь в постукивании пальцами по обшивке старого дивана, в разных концах которого мы устроились.

Первым проснулся отец. Он спустился в гостиную в шесть ноль три. Хотя он всегда и был жаворонком, более ранней пташкой в нашей семье всегда считалась Амелия, поэтому мы с Мишей слегка спешили, увидев перед собой именно его.

Сначала мы рассказали ему о решении Миши начать лечение, отчего отец застыл, словно недогоревшая восковая свеча на ветру.

– В VIP-лечебнице? – переспросил он, просматривая на моём мобильном фотографии, на которых выбранная мной лечебница больше походила на богатый курорт в Египте.

– Я уже всё подсчитала, – уверенно заявила я. – Денег хватит на четыре месяца.

– Значит, у Миши будет лишь четыре месяца?

– Целых четыре месяца, – вцепилась взглядом в отца Миша. – Я справлюсь.

– С таким желанием, конечно справишься, – отец неожиданно положил свою руку поверх сжатого кулака Миши, и я мгновенно, совершенно неосознанно приревновала. – Но позволь узнать, с чем связано столь неожиданное яростное желание?

– Хьюи очнулся, – не отводя взгляда от лежащей на кулаке Миши ладони отца, отстранённо произнесла я.

Побледневший отец отошёл от новости лишь спустя полчаса, после чего я, наконец, разрешила ему отправиться в Лондон с Мишей, но по пути они должны были захватить к Руперту с Пени. В итоге отец с Мишей добрались до Хьюи на час раньше МакГратов, которые замешкались, передавая своих детей под присмотр родителей первого, но я об этом так и не узнала, так как осталась дома. У меня было ещё много дел.

Дождавшись восьми часов, я созвонилась с лечебницей, в которой оказалось всего три свободных места, одно из которых я сразу же забронировала на завтра же на имя Миши Грэхэм. Перед тем, как оформить бронь, я оговорила с консультантом все условия и ещё раз мысленно перепроверила свои финансы – денег хватало и даже сто фунтов оставалось в запасе. Мне крупно повезло, что Дариан отвалил мне на пару сотен больше, когда покупал меня.

Вспомнив о Дариане, я неожиданно поняла, что давно так долго не думала о нём. Даже моё фактическое рабство казалось отголоском туманного прошлого, никак не связанным с моим настоящим. От этого мне стало неожиданно легко и спокойно, словно я хотя и не освободилась от своих оков, но уже хотя бы начала распутывать их.

В момент, когда я об этом думала, грызя край простого карандаша и рассматривая начерченные при помощи его в блокноте цифры, красноречиво говорящие о том, что у нас с Мишей всё должно получиться впритык, на кухню вошла Айрис. Второй человек, опередивший этим утром Амелию.

– Таша? – она заметно удивилась моему присутствию, начав нервно поправлять рукава своей пижамы. – Что ты здесь делаешь?

– Считаю, – уклончиво ответила я и сразу же задала более важный вопрос. – Почему Амелия до сих пор не проснулась?

– Но ещё только половина девятого. Она спускается завтракать ровно в девять, – Айрис аккуратно села за стол, слева от меня. – Что-то случилось?..

– Да, но лучше сначала давай обсудим другое, – начала я, и моя кузина мгновенно вытянулась в струнку. – У тебя скоро свадьба... Ты действительно его любишь?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что мы обе в курсе того, что Дэйл сделал в день твоей выписки.

– Он признался тебе в чувствах, – сухо ответила Айрис, сжав кулаки. Мне нечего было добавить, поэтому я молчала. Чувства вины из-за этой ситуации я уже давно не испытывала. – Я уже купила платье...

– Платье не жизнь – его можно перепродать.

– Приходи на свадьбу, Таша...

– Хорошо, – без остановки, сразу же ответила я. – Я приду. Теперь о том, почему я всё ещё здесь...

Услышав о том, что Хьюи очнулся и Миша решила пройти курс реабилитации, Айрис едва не свалилась со стула, после чего вовремя созвонилась с Рупертом, благодаря чему успела упасть ему на хвост прежде, чем он с Пени выехали из города.

Оставалось самое сложное: сообщить Амелии громкую новость, при этом не навредив её здоровью, которым до сих пор она могла похвастаться. Проживая свой девяносто третий год, она стала просыпаться позже и засыпать раньше, а я этого даже не заметила. Для меня она так и осталась ранней пташкой.

Оформив завтрак для Амелии на деревянном подносе, я подошла к лифту, который отец с Генри когда-то переделали из бельёвого в пассажирский, и, вызвав его, дождалась, пока кнопка вызова загорится зеленым светом. Там, сверху, эта кнопка загоралась красным, предупреждая Амелию о том, что лифт готовится к движению, из-за чего от него лучше отойти.

Поднявшись наверх, я застала Амелию сидящей в кресле-качалке у окна. Накрыв ноги вязаным пледом цвета вареной сгущенки, который пятнадцать лет назад ей связала моя мама, она держала на коленях спицы и два клубка ниток.

– Таша? – удивлённо вздёрнула брови Амелия.

– Я принесла тебе завтрак, – поставив поднос на миниатюрный столик перед прабабушкой, приглушённо отозвалась я. – Ты вяжешь детские носочки? – на сей раз удивилась я, заце-

пившись взглядом за один уже готовый миниатюрный носочек, размером с половину моей ладони. – Но нога Барни в него уже не влезет.

– Это не для Барни, – едва уловимо улыбнулась Амелия.

– Не для Барни? – не переставала удивляться я. – Тогда для кого?

– В нашей семье скоро появится ребёнок.

Вот тебе и!.. Это я должна была поразить её сверхновостью, но вместо этого она поражала меня.

– Это Айрис? – сразу же предположила я. – Она беременна и поэтому выходит замуж за Дэйла?

– Нет, Айрис не беременна. Никто ещё не беремен. Но не пройдет и года, как в нашей семье появится ребёнок.

– Оу, – я сдвинула брови. Дело было в том, что Амелия уже не в первый раз занималась предсказаниями. С предсказаниями же, связанными с появлением детей, у неё получалось лучше всего. Она заранее предсказала рождение Жасмин, Рэйчел и Барни, а в случае с Мией даже месяц появления ребёнка на свет назвала, хотя не могла знать о том, что Мия родится недоношенной. – Значит, Айрис забеременеет сразу после свадьбы?

– На сей раз я не знаю, кто принесёт ребенка, – поморщила лоб Амелия, наблюдая за тем, как я усаживаюсь напротив неё.

– Логично предположить, что это будет Айрис, – тяжело выдохнула я. – Как ты смотришь на её союз с Дэйлом?

– Чему быть, тому не миновать.

– Всегда ты отговариваешься русскими пословицами, – улыбнулась я. – А кто будет? Мальчик или девочка?

– Не вижу, – пожала плечами Амелия.

– Не видишь? – удивлённо повела бровями я, так как обычно она всегда предсказывала, кто именно родится на свет. О рождении Барни она сообщила Руперту прежде, чем мальчик был зачат, но Руперт ни на секунду не усомнился в её словах и уже через неделю переклеил стены одной из комнат в своём доме в мальчишеские обои с рисунками ракет и звёздной пыли, а ещё через месяц Пени сообщила ему о том, что беременна не смотря на то, что они не планировали заводить второго ребёнка спустя три года после первого – ещё не отошли от родительского шока после появления Рэйчел.

– Не знаю, – наивно сложила губы бантиком Амелия. – Обычно знаю, но сейчас картинка накладывается на картинку. Должен родиться один ребёнок, но его словно перекрывает собой второй, которого нет. Что это такое – не пойму.

– Может быть речь идёт об усыновлении? – предположила я.

– Нет... Это определенно рождённый внутри нашей семьи ребёнок.

– Тогда что за ребёнок, которого нет?

– Не знаю... – огорчённо протянула Амелия.

– Бабушка, я пришла сказать тебе кое-что, – думая об услышанном, я помолчала несколько секунд, прежде чем положила свою руку на её колено и, заглянув в огромные голубые глаза собеседницы, замерла. Внимательно смотря друг на друга, мы просидели в абсолютном молчании около минуты.

– Твой брат... – наконец произнесла она, округлив свои светлые глаза ещё больше.

– И моя сестра... Миша решила вылечиться, стать чистой... Хьюи очнулся, бабушка. Он очнулся... Ничто уже не будет по-прежнему.

– Да... Да... – рассеянно начала убирать с колен своё вязание Амелии. – Оу, не переживай за моё здоровье, дорогая! – весело и внезапно резко воскликнула она. – В этом году я точно не умру. Мой правнук очнулся!.. Таша!.. – она притянула меня к себе и, как только я встала

на колени, обняла меня так крепко, словно ей было не больше пятидесяти. – Зима прошла!
Птицы возвращаются домой... Птицы возвращаются...

Глава 6.

Амелия.

Мой отец, Волков Бронислав Молчанович, был богатым русским князем, унаследовавшим своё неисчислимое богатство от своего отца, у которого он был единственным наследником. Матери он не знал, так как та умерла на второй день после родов, его же отец, Волков Молчан Миронович, отошёл в другой мир, когда Брониславу Молчановичу шёл восемнадцатый год. Кроме матери отца, Волковой Пелагеи Гордеевны, у моего отца не осталось более никого.

В начале 1914-го года, в канун Рождества, Пелагея Гордеевна, дожив до глубокой старости, преставилась в самый тёмный час перед рассветом. Перед смертью она призвала к себе внука и предсказала ему будущее Российской Империи. Она предупредила внука, чтобы сразу же после её смерти он поспешил сорваться с родового места, почему-то сказав ему ехать именно на Британские острова, на которых она была единожды с мужем, ещё до рождения Молчана Мироновича. Она завещала ему бегство “прежде чем золотую яблоню срубят и плоды её будут уничтожены”. Как позже выяснилось, в предсказании Пелагеи Гордеевны речь шла о гибели царской семьи. Также она предрекла гибель всего имущества и гибель родственников, носящих фамилию Волковых, которые останутся в Империи лицезреть её падение.

Похоронив Пелагею Гордеевну, её богатый внук, слушающий её во всяком её наставлении, решился на авантюру. Купив поместье в Британии, за три месяца он перевёз в него всё своё богатство, что же не смог перевезти, то продал, но от отцовского имени не отрёкся. Спустя четыре месяца после предсказания Пелагеи, он обвенчался со своей возлюбленной, Заболоцкой Апполинарией, дочерью обедневшего дворянина Заболоцкого Белослава, что вызвало волну недовольства в светском обществе, по мнению которого Волков Бронислав Молчанович должен был жениться на равной себе по богатству особе. Недолго задержавшись в Российской Империи после свадьбы, уже спустя месяц молодой князь Волков переехал в купленное имение в Британии, взяв с собой помимо своего богатства молодую жену с её пятидесятилетним отцом и младшей сестрой, которой тогда шёл тринадцатый год. Ещё через полтора месяца началась Первая мировая война.

Во время Первой мировой отец получил две Звезды «1914-1915», три огнестрельных ранения и трёх сыновей, зачатых во время его отпусков по состоянию здоровья. Всего у моих родителей в браке родилось десять детей. Два мальчика умерли в младенчестве во время Первой мировой войны, ещё трое юношей и три девушки, не оставив после себя наследников, не пережили Вторую мировую войну, и в итоге из всех детей Волковых остались в живых только две младшие дочери – я и моя сестра Сарра, ставшая поздним и последним ребёнком моих родителей. Сарра до сих пор жива, ей восемьдесят пять лет и она, вместе с единственной дочкой, единственным внуком, его женой и их детьми (два мальчика, учащихся в старшей школе, и три дочки, две из которых ходят в среднюю школу и одна в младшую) живёт в нашей единственной сохранившейся после войны усадьбе, оставшейся нам после смерти родителей.

Во время Второй мировой войны отец воевал только первые два года, после чего был сослан домой по состоянию здоровья, и я до сих пор считаю, что благодаря его возвращению мы в итоге выжили: взрослые дети успели погибнуть до его возвращения, юноши – на фронте, девочки – в госпиталях.

С возвращением отца мы вновь начали нормально питаться и матери удалось выжить в борьбе с серьёзным воспалением лёгких. Однако война продолжалась. В усадьбу, в которой

сейчас вместе со своей семьёй живёт Сарра, мои родители перебрались в середине войны, так как наше основное поместье во время бомбёжки было разнесено в щепки. В тот вечер мы гостили с ночёвкой у военного друга отца, жившем в соседнем городе, а на рассвете нам уже некуда было возвращаться – от поместья остался лишь пепел. Так мы переехали в небольшую усадьбу, приобретённую отцом за год до начала войны по настоянию одного из моих погибших братьев.

В 1960-ом году, пережив нашу мать на год, мой отец умер в глубокой старости. На тот момент я уже жила семейной жизнью в доме, в котором теперь встречаю свою старость. Я не хотела продавать усадьбу, как последнюю память о своих многострадальных родителях, поэтому отдала её в полное владение своей младшей сестре. Сарра к тому времени уже вышла замуж за хорошего соседского парня, ожидала рождения дочери и не собиралась уезжать из старого городка своего детства, отчего с великой радостью приняла от меня владение той частью усадьбы, которая отошла мне в наследство от отца.

С сестрой мы общаемся всё реже – подводит её испортившийся к старости слух. Да и живём мы в разных концах Британии, что тоже не способствует активному общению. Один раз в пару месяцев мы созваниваемся по стационарному телефону, к праздникам по-старинке высылаем друг другу открытки. Наши устные и письменные разговоры неизменно ведём исключительно на русском языке. Хотя мы и родились в Британии, отец завещал нам помнить, кем были наши предки. Для этого главное – помнить язык, на котором он с матерью общался с нами каждый день с момента нашего рождения. В своё время я передала знания русского языка и своему сыну, который свободно говорил на языке своего деда, позже он научил и своих детей этому сложному языку, но им он уже давался с значительной сложностью. Что же касается их детей – они и вовсе не знали русской речи. Единственным моим внуком, который через невероятное усердие выучил определённый набор слов и даже строки моих любимых поэтов, была Таша. Я с уверенностью могу сказать, что она понимает, о чём изредка говорит со мной на русском, потому как пару лет назад, когда я застала её курящей на крыльце нашего дома и сделала ей замечание относительно здоровья её лёгких, она, игриво заглянув мне в глаза и сладко выругалась русскими словами: “Хрена с два я брошу курить! “. Таша тогда заговорила по-русски, чтобы порадовать меня (она всегда учила новые русские выражения ради моей улыбки), и хотя она говорила с значительным акцентом, я не могла не забыть о выброшенной ею в тот момент сигарете и не улыбнуться, увидев в её глазах отражение своего отца.

Фамилия моего отца канула в лету. Две из пяти его выживших дочерей выйдя замуж взяли фамилии мужей, пятеро же сыновей ушли из жизни прежде, чем успели бы оставить хотя бы одного наследника фамилии Волков. Мой брат, названный Мироном в честь моего прадеда по отцовской линии, которого я чаще остальных своих братьев и сестёр вспоминаю, так как с детства любила его больше других, всё же мог оставить после себя ребёнка. Он рано женился, но умер в первый же месяц после начала войны. Его молодая жена, пытающаяся перебраться от своих родителей из Франции к родителям своего мужа, попала под бомбёжку и пропала без вести. Позже моя мать в разговоре с вернувшимся с фронта отцом говорила о том, что подозревала у невестки беременность, и что она, как и сотни других людей, попавших в ту бомбёжку, могла выжить, но выяснить это наверняка мы так и не смогли. Девушка не значилась в списках погибших, а её родители умерли во время обстрела. Её судьба и судьба возможного младенца так и осталась для нас тайной.

В итоге у нас с Саррой не осталось иных кровных родственников, кроме нас самих. Сестра нашей матери, которую отец перевез в Британию вместе со своим свёкром, в шестнадцатилетнем возрасте вышла замуж за двадцативосьмилетнего состоятельного мужчину и затерялась где-то в США. Всё, что о ней было нам известно – это то, что она родила четверых детей и вскоре после рождения четвёртого умерла. Связь с этой линией наших родственников оборвалась.

Мои родители, в особенности отец, всю жизнь скучали по потерянной родине, неизвестной их потомкам. Подсознательно эта тоска и даже печаль передалась и нам с Саррой. В 2000-ом году я с сестрой, уже войдя в приличную старость, решились на первую и впоследствии единственную встречу с родиной наших предков. Нас пригласило русское культурное сообщество, организовавшее из родового поместья, когда-то принадлежавшего нашему отцу, а до того его отцу и отцу его отца, музей исторической и архитектурной важности. Двухэтажное поместье первой половины девятнадцатого века пережило революцию, две мировые войны и последовавшую за этим ужасом разруху. Бродя по просторным залам, которые когда-то принадлежали моим предкам, по земле, по которой они ступали, я неожиданно остро ощутила чувство оторванности, которое всегда тайно жило в моей душе. Оторванность от своей земли, от своих корней, от настоящего прошлого... Всё было отобрано. Я чувствовала себя ограбленной, но не материально, нет. Я чувствовала, что у меня украли родину.

Первая половина моей жизни сложилась неплохо. В девятнадцать лет я вышла замуж за двадцатичетырехлетнего Хьюи Джеральда Грэхэма – одного из лучших скрипичных мастеров во всей Британии. Спустя год у нас родился Бернард, однако не смотря на материнство я смогла окончить университет и получить место библиотекаря в городе, в котором мой муж собственными руками построил нам дом. После Бернарда у нас так больше и не удалось завести ещё хотя бы одного ребёнка, зато сын наделил нас внуками. Он женился очень рано, в девятнадцать лет взяв в жёны свою первую любовь, восемнадцатилетнюю Мелиссу Куинси. Через год у них родился первый для них ребёнок и первый для нас с Хьюи внук – Родерик. Ещё через год на свет появился Генри и ещё через два года родилась Майя. Наш большой и прежде казавшийся всегда немного пустым дом наполнился топотом маленьких ножек и детским смехом...

Не смотря на раннее родительство, Бернард и Мелисса были “умеренно счастливы” в своём браке. В отношениях они никогда не переходили на чрезмерную нежность, всегда любили сдержанно, но искренне. Бернард даже сумел создать небольшую, но весьма успешную полиграфическую фирму, которая в последствии десятилетиями кормила нашу семью. Мелисса же была чудесной домохозяйкой, целиком отдав себя воспитанию детей и поддержанию семейного уюта в доме. Их брак продлился ровно четырнадцать лет и три дня. Кровоизлияние в мозг избавило Мелиссу от мучительной смерти, но забрало её слишком рано – ей было всего тридцать два. После её смерти Бернард больше так и не женился, хотя мог. Спустя двенадцать лет, через год после смерти своего отца, моего мужа, он передал руководство над своей фирмой сыновьям Родерику и Генри, в сорок пять лет полностью отстранившись от дел и посвятив себя своим первым внукам: Энтони и только что родившейся Пени. Мой любимый Хьюи ушёл от нас в лучший мир, а Генри переехал в дом по-соседству, но мы умудрились продолжать радоваться жизни под крышей дома, который он когда-то возвёл для нашей семьи. Я, Бернард, Родерик, Стелла и Энтони с Пени стали винтиками, поддерживающими на первый взгляд такой сложный, но на самом деле очень простой механизм семейного счастья.

...Я была рада тому, что Бернард решил побереечь своё сердце, резко сдавшее после ухода его отца, всегда и во всём поддерживающего его по жизни. Теперь всё своё время он, вместо офиса, проводил в скрипичной мастерской своего отца или играл с внуками, однако его сердце всё равно не продержалось достаточно для того, чтобы не разорвать моё. Мой Бернард, наш с Хьюи единственный сын, умер на сорок девятом году жизни, не дожив одного года до появления тройняшек. Мальчика было решено назвать именем прадеда, так как боль по его деду была всё ещё слишком близка нашим сердцам.

Я вырастила сына, увидела внуков, правнуков и детей своих правнуков. Однако я заплатила за это цену. Минус долгой жизни в том, что ты начинаешь переживать тех, кто тебе дороже этой жизни. Я пережила Хьюи, нашего сына Бернарда, его жену Мелиссу и их дочь Майю, невестку Стеллу и её сына Джереми, и я десятилетие наблюдала за тем, как убивают себя Родерик и его дочери Миша, и Таша, пока мой правнук Хьюи пребывает в беспробудном сне...

Всё это мне предстояло пережить в моей старости. Стоя же в 2000-ом году у могилы Волковой Пелагеи Гордеевны, я лишь предчувствовала это, ощущая себя потерянной в месте, которое должно было быть моей родиной. Я не знала, почему Пелагея сказала моему отцу бежать именно на Британские острова, но я знала, что она оказалась права. Если не на родине, тогда именно здесь должны были родиться правнуки и дети правнуков её единственного внука.

...С тех пор, как я вернулась с родины своих предков, посетив могилу своей прабабки, я начала предсказывать будущее, но только счастливое. Я не видела предстоящего ухода своих близких, но видела приход каждого из них. О своём даре я узнала от Пелагеи, однажды явившейся ко мне во сне. “Ты моё третье колено. Ты будешь видеть счастье”, – сказала она мне, после чего, возложив на моё плечо свой перст, добавила. – “Дважды рождённая третьей дева из твоего третьего колена не сломится от предначертанной ей боли, но обретёт от неё силу. Ты предречёшь и распростишь от себя общее счастье, она поглотит и поразит в себе общую боль. Но будет человек в сто крат превосмогающий её силой, и сила его испепелит её, чтобы она получила исцеление через гибель свою, и за пережитую гибель больше не будет страдать. Придёт время третьей из третьего колена твоего и она увидит больше тебя”.

Пробудившись ото сна той ночью, я вспомнила сказанные мне однажды отцом слова о том, что в нашем роду по женской линии от третьего колена к третьему передаётся некий великий дар. От третьего колена к третьему, что означает – от прабабки к правнучке. От Пелагеи, спасшей наш род, ко мне, умножившей его, и от меня к... Таше. Я знала, что Пелагея в ту ночь говорила мне о Таше. Хотя тогда Таша была ещё слишком мала, мы со Стеллой видели, кем она растёт...

Таша была дважды рождённой третьей в моём третьем колене. Рождённая третьей дочкой Родерика и Стеллы, она родилась третьей в тройне...

От слов Пелагеи тогда мне стало страшно за Ташу, но сейчас, глядя на неё, я понимаю, что бояться за неё незачем. Таша Волкова русская даже больше, чем она о том может подозревать – в её жилах течёт голубая и древняя кровь предков, о силе которой она даже не подозревает...

Подобного о ней не расскажет ни один сыщик и ни одно досье. Я знаю, что, не смотря на всё то, что ей пришлось пережить, ей ещё только предстоит погибнуть, и что ей поможет в этом человек, в сто крат превосмогающий её в силе. Из пепла она восстанет и получит исцеление своё через гибель свою, и за свою гибель не будет больше страдать...

Я страшусь того, что Таше предстоит пережить. Страшусь её гибели и её тягостного рождения. Но того человека, её избавителя и её губителя, я страшусь более всего.

Глава 7.

От переизбытка эмоций Амелия захотела перенести завтрак на кухню. Она серчала на моего отца и Руперта за то, что они не взяли её с собой к Хьюи, но не расстраивалась, говоря, что ещё успеет навестить своего правнука – она якобы знала это наверняка. Амелия сказала мне, что *знает*, что с Хьюи теперь всё будет хорошо и что никто из нас к нему не опоздает. От её слов мне стало заметно легче – я привыкла доверять её обострённой интуиции, которая на моей памяти ещё ни разу никого не подвела.

Когда мы спустились вниз, уже проснувшаяся Жасмин во всю хозяйничала на кухне. Она несказанно обрадовалась нашему с Амелией появлению, перед этим решив, будто все взрослые в этом доме “испарились”, и ей самой придётся организовывать себе завтрак. Из-за лёгкой простуды Жасмин продлили больничный ещё на три дня, так что девочка готова была побыстрому проглотить свой завтрак и, переодевшись, до вторника засесть за телевизор, где уже скоро должны были начаться “Чудеса Вселенной” от ВВС. Как по мне – не очень-то подходящая передача для шестилетки, но пересаживать её с “Чудес Вселенной” на смурфиков было бы верхом моей безответственности, как её тёти.

Когда мы позавтракали и Жасмин уже вернулась к нам переодетая из пижамы в хлопковый спортивный костюм, я сделала для нас троих чай, после чего накапала в чай Амелии положенные ей десять утренних лекарственных капель, поддерживающих её давление в норме. Отвлекаясь на приготовление ещё одного горячего бутерброда для Жас, который она внезапно изъявила желание съесть, я наконец раздала всем чай, который ещё не пробовала прежде и который так сильно нахваливала мне Амелия.

– Я думала, что ты не поедешь сегодня к Хьюи, – удивилась Амелия. – Ты ведь больше суток не спала.

– Обязательно поеду, – запротестовала я, – только сначала мне нужно принять душ и переодеться.

– Тогда мы поедем с тобой! – воодушевленно заявила Амелия.

– Хорошо, я найду за вами примерно через час...

– Ура-а-а! – мгновенно воскликнула Жасмин. – Таша отвезёт нас к дяде Хьюи! Он уснул прежде, чем успел познакомиться со мной и Мией, вот ведь он будет удивлён, когда узнает, что у его сестры-близняшки теперь есть целых две дочки!

– Скорее он удивится, когда узнает, что уровень твоего IQ превышает норму, но несмотря на это ты умудряешься оставаться ещё той занозой в заднице, – криво ухмыльнулась я. – Странно, – на выдохе добавила я, сдвинув брови и посмотрев на опустевшее дно своей чашки. – На чай не похоже.

– Почему же не похоже? – удивлённо поинтересовалась Амелия. – Разве ты не чувствуешь ромашку?

– Ромашку-то я чувствую. Но этот железный аптечный привкус... Ш-ш-ш... – я вдохнула через зубы.

– Бабушка! – неожиданно весело воскликнула Жас. – Таша выпила твой чай!

– Что?!.. – я мгновенно посмотрела на рисунок на своей чашке.

– У бабушки чашка с голубой розой, а у тебя с алой! – продолжала заливаться смехом моя племянница. – Ты выпила бабушкино лекарство!

– Вот ведь... – разочарованно сдвинула брови я. – Зато у меня теперь давление будет в норме.

– Да уж, – поджала губы Амелия. – В течении месяца, с твоим-то здоровьем.

– Я сделаю тебе новый чай, – уже хотела подняться со своего места я, но Амелия встала из-за стола первой.

– Я сама.

– Ладно, я зайду к вам через час... – хлопнув по столу ладонями, повторила я.

– погоди... – бабушка, страдающая дальновзоркостью, взяла в руки аптечный пузырёк и отстранила его подальше. – Ты налила мне десять капель из этого пузырька?

– Да, – ответила я, широко зевнув и прикрыв рот рукой.

– Дорогая, но это не препарат для нормализации давления. Это мощное снотворное, которое я принимаю во время бессонницы, связанной с полной луной. Обычно я пью пять капель, десять же рассчитано на взрослого мужчину, который не хочет просыпаться минимум десять часов.

– Что?! – не поверив услышанному, подскочила к Амелии я и сразу же забрала у неё из рук подставной пузырёк. – Но почему он стоит здесь?! Этот пузырёк ведь один в один как тот, что предназначен для нормализации давления.

– Да, но этот пузырёк стоит перед солонкой, а тот за сахарницей...

Я уставилась на бабушку широко распахнутыми глазами, явно не выражающими ничего хорошего.

– О! Оу! – воскликнула Жасмин. – Сегодня тётя Таша не отвезёт нас к дяде Хьюи.

Сходить в душ я так и не смогла. Меняхватило лишь на то, чтобы перейти дорогу, зайти в дом, дотащиться до кровати, сесть на неё и – бум! – как Амелия и обещала, я выпала из жизни ровно на десять часов.

Проснувшись в восемь вечера, я сразу же схватилась за голову, в отсутствии которой не сомневалась. Она была настолько лёгкой, а мысли в ней настолько кристально прозрачными, словно я проспала шестьсот минут не под банальным снотворным, а под чем-то неприлично мощным, напроочь выбивающим почву из-под ног.

Первым делом после пробуждения я отправилась в душ. Смыв с себя последние двое суток, я трижды натерла себя душистым мылом, и когда поняла, что пахну не хуже весеннего сада, наконец вылезла из-под прохладных потоков воды и принялась за укладку волн своих волос. Запрыгнув в светлые джинсы и тёплую рубашку в красно-синюю клетку, я окончательно стала готова к своим следующим суткам.

Выйдя на улицу я удивилась отсутствию снега – слой в полтора сантиметра успел растаять за каких-то десять часов! Из-за этого досадного происшествия я вдруг почувствовала себя не просто потерянной, но обманутой дважды. Во-первых, я проспала неожиданно резкий приход весны, а во-вторых, я проспала целый день, который должна была провести у постели брата!

Парадокс заключался в том, что я прождала Хьюи почти одиннадцать лет и в итоге проспала весь второй день его бодрствования. Ужасное чувство, заставляющее меня сейчас едва ли не бежать к своей машине, которая, как Дариан и обещал, уже ожидала меня у тротуара, буквально пульсировало в моей груди.

Сев за руль я зажмурилась, в который раз притронувшись к своей ещё не сошедшей с головы шишке. Мысленно выпалив нецензурное слово, я вставила ключ в зажигание и, как только его повернула, в салоне сразу же приглушённо заиграло радио. Приятный женский голос сообщал о том, что сегодня для Британии выдался первый, по-настоящему тёплый день в этом году:

“Такого контрастного шестнадцатого февраля не было в центральной Англии последние пятнадцать лет. Температура воздуха всего за несколько часов поднялась от минус трёх до плюс восьми, в Лондоне и его пригородах с полудня до двух часов закрепился внушительный ливень, потоками смывший снег, остатки которого окончательно уничтожило выглянувшее из-за туч по-весеннему тёплое солнце, лучи которого не покидали нас вплоть до заката. С

сегодняшнего дня температура воздуха днём будет достигать отметки в плюс десять, а по ночам не падать ниже нуля. Местами ожидаются кратковременные дожди...”.

Приглушив радио, я, наконец, выехала за пределы своей улицы.

Естественно меня не пропустят в палату к Хьюи посреди ночи, но я всё равно просижу под её дверями, пока не увижусь с братом снова. Пока не услышу его голос, не словлю на себе его взгляд, не почувствую прикосновение его пальцев к своей коже...

Глава 8.

Стоя посреди опустевшей палаты, я пыталась контролировать своё дыхание. Вдох-выдох-вдох-выдох-вдох... Всё в порядке... Такое уже случалось... Его просто перевели в другую палату... Нужно просто найти доктора и узнать...

Выйдя из опустевшей палаты Хьюи, я уже не так радовалась отсутствию медперсонала, как изначально, когда это помогло мне беспрепятственно пройти в гости к брату почти в десять часов вечера.

Очутившись на пустынном коридоре, я повернула налево и решила идти вперёд до тех пор, пока не встречу хоть кого-нибудь из медицинского персонала. Дойдя до перекрёстка, я замешкалась: ни справа, ни слева не было ни единой живой души, как вдруг, обернувшись, я увидела, как три медсестры, в компании доктора Аддерли, вкатывают в *мою* палату коляску. Я не успела рассмотреть, кто именно находился в коляске, но я была уверена в том, что знаю ответ.

Затаившись за углом, я дождалась, когда все “лишние люди” покинут палату Хьюи. Три медсестры ушли практически сразу, доктор Аддерли задержался ещё на пять минут, но я была из тех, кто умеет ждать.

Когда Аддерли покинул палату, я досчитала до десяти, после чего быстрым шагом, едва ли не срывающимся на бег, успешно добралась незамеченной до нужной мне палаты и, нырнув в неё, быстро закрыла за собой дверь, мгновенно прильнув к ней спиной и затылком. Лишь спустя пару секунд переведя взгляд на койку Хьюи, я вдруг замерла от неожиданности.

Я не ошиблась – это и вправду был Хьюи. Но я не ожидала сразу же встретиться с ним взглядом – слишком сильно привыкла к его спящему состоянию.

– Что ты... – вдруг начал он, но ему не хватило дыхания и, сделав глубокий вдох, он, наконец, завершил свой вопрос, – делаешь?..

От знакомого голоса у меня зазвенело в ушах и свело нутро. Этот голос, этот взгляд, это едва уловимо дёрнувшееся плечо – это всё мне не снилось, это всё было по-настоящему.

– Ты реально проснулся?.. – словно уточняя не у него, а у себя, тихо произнесла я.

– Ты бы себя видела... – медленно растягивая слова, словно резинки, вдруг ухмыльнулся Хьюи.

– Ты проснулся, – полушёпотом повторила я, уже подбегая к его койке на цыпочках.

– Ты хоть... Знаешь... Это чудо... Что я... Проснувшись сразу могу... Говорить... – Хьюи учащённо переводил дыхание – ему явно сложно давалась речь.

– О, ты замечательно говоришь! – взяла за руку брата я.

– Миша тоже так... Сказала... – мы встретились красноречивыми взглядами. – Что с ней?.. Она не рассказывает... Никто не... Рассказывает...

– Я расскажу, – начала гладить по руке брата я. – Я всё-всё тебе расскажу... – придвинув кресло к койке и сев на его край, я заглянула ему в глаза. – Хьюи... Хьюи...

– Таша-Таша... – улыбнулся в ответ он, заставив меня заулыбаться ему в ответ.

– У тебя не двоится в глазах? Не звенит в ушах? Ты всех узнаёшь? – затараторила я, но вовремя остановилась. У меня так много было к нему вопросов, что моя голова едва не взрывалась.

– Не двоится... Не звенит... Только... Говорить пока... Сложно... Ходить сам не... Могу... Узнаю, но... Вы все сильно изменились... Особенно ты... Ты вообще старой стала, – Хьюи сорвался на тихий смешок, заставив меня хихикнуть в ответ. – Прошло ведь... Десять лет?..

– Десять лет, семь месяцев и три недели, – сдвинув брови, сжала руку брата я.

– Ну ты и... Зануда... – продолжал поражать меня силой своей иронии он. – Я знаю, сколько... Прошло... Ты ко мне... Приходила... Я считал...

– Считал?.. – мои брови взмыли вверх от удивления.

– Я всё слышал... Или почти... Всё... Я знаю, но... Хочу узнать больше... Никто мне ничего... Не говорит... Говорят только... Что счастливы, что я... Проснулся... Сегодня ведь... Шестнадцатое... Февраль?..

– Да, – продолжала сжимать руку Хьюи я. – Да, сегодня шестнадцатое февраля. Ты проснулся пятнадцатого. Будем теперь считать этот день твоим вторым днём рождения.

– Хмм... – задумчиво промычал Хьюи. – Выходит... Мне... Уже... Двадцать четыре?..

– Да, – сглотив комок боли, ответила я, сразу же ощутив жжение в глазах.

– Ура... – закатил глаза Хьюи. – Я проспал... Всё самое... Страшное... Никакого переходного... Возраста... Никаких... Прыщей... И... Никаких... Проблем в школе...

– Ужасно... – отозвалась я, всхлипнув носом.

– Прекрасно... – искренне выдал Хьюи, и я вновь с удивлением уставилась на него. – Тебе твой... Переходной возраст... Понравился?..

– Нет, – замотала головой я. – Нет. Я бы слиток золота отдала за то, чтобы проспать его весь. Это было ужасно.

– Так и знал... – продолжал улыбаться Хьюи. – Не повезло тебе... Но... Повезло мне... Я проспал... Это всё... Не бойся рассказывать... Мне правду... Я знаю, что случилось с... Мамой и... С Джереми...

– Кто тебе рассказал? – снова шмыгнула носом я.

– Вы... Рассказали... Я ведь... Слышал... Вас всех... Всегда... Реже Амелию, но она... Мне снилась... Только Энтони... Его не слышал... И что с Мишой... Не пойму... Она с отцом... Ушла недавно... Ты с ними... Разминулась... – Хьюи громко сглотнул. – Таша... Расскажи... Они не хотят мне... Ничего рассказывать...

Я не собиралась ему врать или удерживать от него что-то в тайне. Я сама прекрасно знала каково это – быть прикованным к койке и находиться в неведении. В те страшные дни я едва не захлебнулась неизвестностью, но моей спасательной шлюпкой вовремя представился Руперт. Он рассказал мне всё. А теперь я расскажу всё Хьюи и стану для него шлюпкой... Я стану для него всем, что ему только понадобится, лишь бы он поскорее вернулся домой.

От одной только мысли о том, что Хьюи вернётся домой, по моей коже пробежали мурашки. Встряхнув головой, я начала свой непрерывный получасовой рассказ.

Пришлось рассказывать с самого начала.

...После аварии я училась заново двигаться, что сначала давалось через невероятную боль. Позже доктора удивлялись тому, как я смогла не только не остаться анорексичной калеккой, но впоследствии не иметь проблем с физическим здоровьем...

...Пени вышла замуж за того самого Руперта МакГрата, которого до аварии наш отец буквально прибавал к стене одним лишь своим грозным взглядом. Теперь же папа души не чает в Руперте, пятилетней Рэйчел и двухлетнем Барни...

...Незадолго после аварии тётя Майя умерла от острого ботулизма и Айрис перебралась к нам ещё до того, как я успела выйти из больницы...

...Генри развёлся с Ширли, обменявшей его на старика-любовника, который впоследствии и лишил её жизни...

...Амелия перебралась жить на специально оборудованный для неё чердак...

...Миша не смогла пережить столь сильную боль, быстро попала в плохую компанию и рано родила – её первой дочке уже шесть лет – после чего пристрастилась к наркотикам, вновь забеременела и родила повторно – её второй дочери уже три года. Из-за неправильного образа жизни во время второй беременности вторая её дочь родилась недоношенной и слабой, но выжила, хотя и получила серьёзную проблему с лёгкими, нам даже недавно пришлось срочно

искать деньги на операцию. Сейчас с ней уже всё хорошо: операция проведена успешно, и Генри будет находиться с девочкой в Берлине всё время её реабилитации. Миша давно уже не балуется “серьёзными” наркотиками, но у неё внушительные проблемы с травкой, алкоголем, клеем и банальным курением. Завтра она отправится в лечебницу, чтобы бороться за свою жизнь и наконец избавиться от этой напасти навсегда...

– Завтра?.. – впервые перебил мой монолог Хьюи. – Прошло десять лет... Одиннадцать месяцев... И... Три недели... Почему завтра?.. Почему не раньше?.. Почему Миша... Всё это пережила?.. Разве ты ей не помогла?..

От слов Хьюи моё сердце застыло. Кажется, я на мгновение перестала существовать.

– Нет. Я ей не помогла, – спустя бесконечные десять секунд треснувшим голосом произнесла я.

– Таша... Таша... – Хьюи сдвинул брови и, желая вновь обратить мой взгляд на себя, дотронулся своими тонкими, холодными пальцами моей ладони, и сжал её своей ещё не окрепшей рукой. – Я тебя... Не виню... Слышишь?.. Это ужасно... Всё то, что с тобой... Произошло... Это страшно... – внезапно он перешёл на шёпот. – Это очень... Очень страшно... Я слышал... Твой голос... Ты говорила со мной... И Миша тоже... Говорила со мной... Вы всегда... Приходили отдельно... И никогда... Не приходили... Вдвоём... Я так хотел... Чтобы вы... Пришли ко мне... Вместе... Теперь я понимаю... Почему вы... Были врозь... Ты не виновата... Так и знай, что... Не виновата... Но Миша тоже... Не виновата... Прости её... – Хьюи заглянул мне в глаза. – Прости её, Таша... Прости...

– Я простила её, – сжала руку брата я. – Но я не прощу себя за это.

– Ты не виновата... Таша... Ты не... Виновата... Расскажи мне... Расскажи ещё... Где Энтони?.. Почему он не приходил и... Не пришёл.

История об Энтони стала для меня неожиданно одной из самых сложных. Прежде, чем рассказать Хьюи о том, что его старший брат... Наш старший брат... Нет, наш бывший брат, стал тем, кем он стал, мне понадобилось привести мысли в порядок.

– Как ты сказала?.. Энтони стал... “Нетрадиционной проституткой”?.. – Хьюи брызнул смехом, но тут же прикрыл рот слабой рукой. – Если бы Джереми... Узнал... Он бы его... Линчевал... Но как так?.. Как?.. Он ведь с детства... Таскался за... Девчонками... И тут вдруг... Отец ему, наверное, уши оторвал... – Хьюи, в очередной раз зажав свой смех ладонью, никак не мог сдержаться, отчего быстро проговорил последние слова.

– Он ему не только уши оборвал, – засмеялась в ответ я, желая поддержать столь неожиданно позитивную реакцию брата на историю жизни Энтони. – По-моему, он всё ему оторвал – ничего мне не оставил. Пришлось довольствоваться тем, что я разбила ему нос. Пару-тройку раз. После каждой нашей встречи ему приходилось пластику делать, так что ты его сейчас не узнаешь.

– Тише... Нас могут услышать... – сквозь шёпот надрылся от смеха Хьюи. – Тебе нельзя здесь быть...

– Я никуда не уйду, даже если меня ударят электрошоком... Но, может быть, ты хочешь поспать?

– Ничего подобного... Я уже выспался... За одиннадцать-то лет... – продолжал светиться улыбкой Хьюи, отчего вдруг начал говорить более отчётливо (возможно он этого не заметил, но я уловила сразу). – И потом, я поспал днём... Надеюсь, все мои... Родственники... Не обиделись... Но их слишком много... Чтобы с лёгкостью... Переносить их общество после комы... – Хьюи вновь засмеялся в кулак, и я засмеялась в свой. Нам потребовалась минута, чтобы успокоиться. – Да уж... Даже не представляю... Как ты выжила в этой семье... Скажи... А ты с Энтони давно виделась?..

– Мы не общаемся. Уже много лет. Даже вспомнить не могу, когда в последний раз его видела.

– Но почему, он не... Пришёл ко мне?.. Я ведь его не осуждаю.

– Вот как? – удивлённо вздёрнула брови я.

– А ты... Осуждаешь?..

– Этот подлец в буквальном смысле испортил мою школьную жизнь, демонстрируя через свой видеоблог свои... – я запнулась. – Только не проси меня его простить. Пожалуйста. Для тебя я могу сделать всё что угодно, но мне легче из окна выйти, чем простить Энтони. Даже ради тебя я не смогу его простить искренне. Я это знаю.

– Вместо того... Чтобы поддержать вас... Он от вас... Отрёкся... Я понимаю... Но... Я ведь очнулся... Десять с половиной лет... Почему он не пришёл?.. Может быть... Я бы смог вставить ему мозг?.. Раз уж... Миша будет лечиться...

– Поверь мне, Энтони уже никто и ничто не вставит мозг в его бестолковый череп. Он променял мозг на... – я вновь запнулась. Когда речь заходила об Энтони, у меня в голове крутилось слишком много бранных слов. – Относительно того, почему он не пришёл... Он ведь не приходил к тебе даже когда ты спал, так зачем ему... Хотя, знаешь, скорее всего ему просто никто не сказал.

– Таша...

– Только не говори, что ты хочешь, чтобы я ему сказала об этом, – не выдыхая, выпалила я, упершись руками в колени.

– Хах... Я не настолько жесток... Чтобы тебя... Так мучать... Только не ты... Да и вообще... С меня хватит пока тех... Кто есть сейчас... Взрослые сёстры... Куча племянников... Только Энтони мне не... Хватало... Не хочу с ним встречаться... Пока не буду уверен в том... Что моё сердце выдержит... Когда я увижу то... Что осталось от моего брата... Я ведь думаю... Что ты не... Преувеличиваешь... Когда говоришь... Что от него ничего... Не осталось...

– Ни внешности, ни души, – разочарованно поджала губы я.

Мы помолчали несколько секунд.

– Таша... Как думаешь... Я скоро вновь смогу... Ходить?..

– Конечно скоро! – сжала кулаки я. – Я буду тебе помогать каждый день и скоро ты вернёшься домой. Правда в твоей комнате жил Генри...

– Я не против... Такого соседства... Хочу с ним поскорее увидеться...

– Брось, мы выселим его, – широко заулыбалась я, и Хьюи ответил мне мгновенной улыбкой.

Нет, мне не казалось, я действительно готова была разбиться в лепёшку, лишь бы вновь и вновь видеть на его лице улыбку...

...И всё-таки этой ночью он не продержался для меня достаточно долго. Хьюи заснул в начале второго часа ночи, и я не стала ему мешать в его сне, даже постаралась его поскорее укачать своей монотонной болтовнёй о подробностях того, что он и без моих рассказов уже прекрасно знал. Спустя час после того, как он закрыл глаза, я, не смотря на то, что перед этим прилично выпалась, тоже начала дремать и, в итоге, проспала вплоть до семи часов утра.

Я проснулась от острого ощущения взгляда на себе и сразу же встретила с малахитовыми глазами пробудившегося брата. Впервые за последние десять лет, семь месяцев, три недели и пять дней, моё утро начиналось с улыбки. По-видимому мне нужно прекращать считать время: года, месяца, недели, дни, часы, минуты, секунды... Теперь у Хьюи всё будет хорошо... А значит, всё хорошо будет и у Миши... А значит, и у меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.